

ОПЫТ СОВМЕЩЕНИЯ ТРЕХ МЕТОДОВ АГРЕГИРОВАНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ МНЕНИЙ

О. А. Оберемко, И. И. Иванова¹

Представлены результаты совмещения трех методов сбора оценок «успешности модернизации России»: контент-анализ текстов, написанных политическими экспертами; дистанционных фокус-групп с «народными экспертами», отобранными по смешанной выборке; личных интервью, собранных по целевой выборке ученых, работающих на переднем крае науки, — отраслевых экспертов по модернизации. Контент-анализ и фокус-группы позволили выделить актуальные дискурсы модернизации, а интервью с экспертами — сузить предмет обсуждения и получить собственно экспертную оценку важного аспекта модернизации и обосновывающие ее аргументы.

Ключевые слова: совмещение методов, контент-анализ, он-лайн фокус-группы, личные экспертные интервью, принцип воронки, модернизация.

The results of a multi-methods inquiry in evaluating «the successfulness of the modernizing Russia» by 3 different categories of experts are expoused: content-analysis of a sample of texts, published in authoritative sources by political experts; on-line focus group interview with mixed sampled «folk experts»; face-to-face interviews with a purpose sample of the professional experts in modernization, working at the front edge of scientific research. The data of types 1 and 2 allowed specifying actual «modernization» discourses, while the data of type 3 did narrowing the subject-matter at hand and getting reasons to explicate their negative attitudes onto modernization.

Key words: multi-methods inquiry, content-analysis, on-line focus group interview, face-to-face expert interview, the principle of the funnel, modernization.

В статье представлены результаты последовательного использования по принципу воронки трех методов сбора данных для получения оценок «успешности модернизации России». Первым шагом по результатам контент-

¹ Оберемко Олег Алексеевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры методов сбора и анализа социологической информации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Эл. почта: ooberemko@hse.ru

Иванова Инна Игоревна — старший научный сотрудник Фонда «Общественное мнение», аспирантка кафедры методов сбора и анализа социологической информации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Эл. почта: ivanova.rzn@gmail.com

анализа официальных источников, освещающих реализацию мероприятий по модернизации России, и дистанционных фокус-групп, проведенных в формате онлайн-форумов «народных экспертов», недирективно был очерчен актуальный для общественности тематический репертуар разговоров о модернизации России. На втором шаге для освещения одной из актуальных, с точки зрения «народных экспертов», тем подбирались данные, собранные по целевой выборке профессиональных экспертов. Сужение предмета обсуждения позволило (а) сверить оценки двух категорий экспертов оценки в обоих случаях оказались скептическими — и (б) получить от профессиональных экспертов обоснования их оценок. В данном случае в качестве профессиональных экспертов по *модернизации в России* опрашивались ученые, работающие на переднем крае науки, — руководители поддерживаемых государственными программами инновационных академических подразделений.

1. Контент-анализ и дистанционная фокус-группа

На первом этапе было проведено кабинетное исследование на тему «Экспертиза, оценка причин текущего состояния процесса модернизации в России». Источники информации были отобраны за 2009-2010 гг. и представляли собой авторитетные ресурсы, для которых тема модернизации была профильной и /или часто упоминалась:

- авторитетные деловые СМИ («Эксперт», «Ведомости», «Известия»);
- результаты социологических исследований по национальной выборке;
- сайт Комиссии при Президенте по модернизации и технологическому развитию экономики России (<http://i-russia.ru>);
- информационно-аналитический сайт «Открытая экономика» (www.opec.ru);
- материалы XII Апрельской международной конференции по проблемам развития экономики и общества в Высшей школе экономики (<http://conf.hse.ru/2011/>);
- тематический выпуск журнала «Неприкосновенный запас» по теме «Ностальгическая модернизация, или Россия, вперед!» (№ 6 (74) за 2010 г.).

Эту группу экспертов мы будем называть политическими экспертами.

Второй метод — онлайн фокус-группа в формате форума — использовался в рамках реализации Фондом «Общественное мнение» социально значимого проекта «Народная экспертиза» — инновационный механизм поддержки идей модернизации в обществе². Здесь ставилась задача сформулировать рекомендации по преодолению разрыва между экспертным обществом, разрабатывающим решения по модернизации, и гражданами, которые, по идее, являются прямыми бенефициарами от модернизации. «Народные эксперты»

² При реализации были использованы средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 8 мая 2010 г. № 300 — рп.

отбирались в ходе всероссийского репрезентативного опроса³ при помощи теста, включающего в себя следующие характеристики:

- внутренний локус ответственности за происходящее в семье, городе, государстве;
- высокая социальная и гражданская активность;
- активные стратегии потребления информации об окружающем мире, интерес к актуальным общественно-политическим темам;
- пользование Интернетом.

Респонденты, успешно прошедшие тест, приглашались именованным обращением по электронной почте к участию в экспертизе. Число участников фокус-группы в течение двух месяцев составило 194 чел. из 63 субъектов РФ. После третьей недели активность на онлайн-площадке резко снизилась, и был произведен дополнительный добор участников методом «снежного кома». В период проведения фокус-группы активность в среднем проявляли около 10% от числа зарегистрировавшихся.

Содержательно массовая экспертиза⁴ имела целью выявить «народные» смыслы модернизации и оценить проводимый «курс на модернизацию» через призму актуальных для общества проблем. Анализ сложившейся в России ситуации проходил в несколько этапов: формулирование проблем, стоящих перед страной, их ранжирование по значимости путем голосования и последующее обсуждение проблем, попавших в «топ». Эта исследовательская стратегия обосновывалась тем, что в самом понятии «модернизация» значительная часть массовых экспертов видела «решение назревших проблем».

Сопоставление дискурсов политических и массовых экспертов выявило сходство в интерпретации концепта «модернизация». Так, представители власти интерпретировали модернизацию как «осовременивание», включающее два параллельных направления: подтягивание экономики до современного уровня и «футуризацию», создание особого культурного климата, без которого невозможно инновационное развитие.

Сообщество массовой экспертизы, разделилось на две группы по отношению к очередности обозначенных властью направлений. Одни ставили под сомнение возможность инновационного развития без закладки базы:

Обеспечьте хотя бы средний уровень, прежде чем претендовать на что-то большее. А то ходим в лаптях, жуем китайские груши, но зато нанотехнологии — из каждой щели.

³ 4500 респондентов, 204 городских и сельских населенных пункта, 64 субъекта РФ.

⁴ Поначалу предполагалось, что в выборке «народных экспертов» можно будет видеть репрезентацию активной и сведущей в общественных делах части населения; планировалось получить срез мнений «общественности», или «просвещенной публики». Однако по характеру участия и стилю обсуждения вместо «общественности» была скорее получена репрезентация «массы».

В настоящий момент необходимо сосредоточиться не на инновациях как таковых, а на модернизации. Если делать ставку именно на инновации как таковые, мы никогда не сдвинем с места процесс обновления.

Еще одна черта, объединяющая позиции политических и «народных» экспертов, — отношение к модернизации как к лозунгу ради отмывания денег:

Пока этот термин вызывает только смех. Это обычный пиар-ход, под дудку которого отмываются деньги.

Модернизация — очередной лозунг-пустышка, которым еще недавно были «на-на» технологии.

...модернизация, но только в своем нормальном естественном значении, а не тот лозунг, что льется нескончаемыми реками помоев с экрана. Просто слово стало практически ругательным, как и нанотехнологии, известные уже лет 20.

Частный случай рассмотренной интерпретации понятия «модернизация» — параллель с СССР, вызванная отношением к модернизации как к политическому лозунгу, попытке создать новую идеологию:

Думаю, многие знают из истории, что каждые 20 лет очередной коммунистический вождь в СССР обещал построить в стране социализм. И через 20 лет, когда все забывалось, обещал снова. <...> Главная примета социализма — показуха. Всесторонняя и безбожная. И несбыточные обещания. Надо прекратить эту гигантскую пиар-акцию под названием модернизация!

Очевидно, что обе категории экспертов отмечают наличие диссонанса между официально артикулируемыми смыслами и реальностью. С одной стороны, налицо понимание населением необходимости модернизации как развития страны и положительная оценка самой идеи преобразований. Отсюда позитивные интерпретации концепта «модернизация», в соответствии с которыми модернизация — это глобальный, всеобъемлющий процесс, переводящий текущее положение дел в государстве на качественно новый уровень.

С другой стороны, модернизация воспринимается преимущественно как рекламный ход, пустые слова, очередной повод для отмывания денег. Недовольство вызывает большое количество нерешенных «простых» проблем, что и позволяет говорить об отсутствии базы для амбициозных преобразований.

В результате массовой экспертизы были не только получены «народные» смыслы модернизации, но и разработаны рекомендации для повышения эффективности модернизационных процессов в России. В частности, наибольшую поддержку при взаимном рейтинговании предложений получили два направления идей по решению проблем:

1) инвестиции в человеческий капитал («повысить престиж социально значимых профессий», в том числе повысить зарплаты, увеличить осведомленность населения и т. д.);

2) введение системы показателей качества работы и жесткой системы контроля над качеством выполнения обязанностей; повышение ответственности за результат деятельности (ответственность вузов, врачей, чиновников и т. д.).

Участники массовой экспертизы также смоделировали идеальную ситуацию и назвали ряд признаков успешных модернизационных процессов:

— повышение качества жизни людей: *для меня модернизация — последовательный процесс, результатом которого является повышение качества жизни людей;...качество — это не то, сколько, а то как. Если наши пенсионеры будут жить в развитых в плане инфраструктуры местах, то эта 1000 рублей [прибавка к пенсии] будет для них не так важна, у них есть, где и как провести время, есть лавочка в тенишке, на которую можно присесть летом, и так далее;*

— модернизация — переход на качественно новый уровень жизнедеятельности общества // государства, радикальная смена целевого курса;

— цепочка «инвестиции в проекты — реализация проектов — выход на мировое качество продуктов и конкурентоспособность — экспорт продуктов в страны с сильнейшими экономиками — подъем ВВП — закупка необходимого оборудования у отечественных производителей и обеспечение им медицинских и иных учреждений»;

— ротация кадров из крупных городов в малые;

— строительство доступного жилья + создание и реализация жилищных программ за счёт государства, а не за счёт банков.

По итогам проведения массовой экспертизы сделан ряд выводов.

1. Наиболее часто встречаются следующие спонтанные ассоциации с концептом «модернизация»: «внедрение чего-то нового», «улучшение чего-то существующего», «изменения во всех сферах жизни, в том числе в духовной, в сознании людей, в головах». Подобные ассоциации и интерпретации в большинстве случаев имеют умозрительный характер и не соотносятся с конкретной программой, но артикулируются с использованием структур модернизационного дискурса первых лиц страны, воспринятых из СМИ.

2. Словосочетание «модернизация России» чаще всего воспринимается как лозунг и PR-ход, нечто, отдаленное от реальных потребностей страны. В то же время тезис о необходимости перемен вызывает в основном одобрение.

3. Одна из ключевых причин негативных коннотаций концепта «модернизация» — недовольство большим количеством нерешенных проблем местного масштаба, по которым многие представители населения, в том числе и часть «народных экспертов», судят о положении дел в стране в целом и говорят об «отсутствии базы для преобразований».

4. Очевиден информационный голод населения, связанный с недостатком данных о конкретных результатах принимаемых мер и списком ответствен-

ных лиц. Налицо недоверие к власти и происходящим процессам, сложившийся «привычный» пессимизм. Необходимо говорить о свершившихся фактах, проделанных шагах, реализованных этапах и, главное, достигнутых результатах, которые могут позиционироваться как основа для дальнейших планов.

5. Среди населения позитивно воспринимается идея такого гражданского действия, как организация площадок для обмена мнениями, но с обязательным условием: мнение населения должно быть услышано, участники обсуждения должны быть уведомлены о внедрении или отклонении результатов. Негативное восприятие и нежелание участвовать в обмене мнениями связано не столько с отрицательным отношением к подобной идее, сколько с неверием в ее эффективность на практике; можно предположить, что в некоторых случаях выражение неверия служит способом оправдания низкой степени своей гражданской активности.

6. Наиболее конструктивная критика и четкая гражданская позиция были выявлены у участников массовой экспертизы, состоявшихся в профессии и включенных в среду профессиональных коммуникаций. Можно предположить, что профессиональные сообщества — перспективный объект для изучения того, как инновации принимаются в общественной практике.

Для дальнейшего изложения ключевым является самый последний вывод о том, что среди «народных экспертов» конструктивной критикой модернизационного дискурса и гражданской позицией выделяется слой узких специалистов, которые состоялись в профессии и включены в профессиональную коммуникацию.

2. Экспертные интервью

В качестве представителей узкого профессионального сообщества, чья деятельность непосредственно связана с разработкой и внедрением инноваций, для традиционного экспертного опроса методом личных интервью в рамках другого проекта были отобраны руководители научных подразделений, участвующих в программах по оснащению уникальным оборудованием комплексных исследований в определенной дисциплинарной области. Специфика этих программ заключается в том, что стандартный договор о предоставлении оборудования предусматривает ежегодное наращивание объемов научной работы на коммерческой основе, тем самым обеспечивая вовлеченность научного подразделения во внедрение рыночных форм координации в науку. Таким образом, мы имеем дело с представителями профессионального сообщества, несущими двойную модернизационную нагрузку: 1) в качестве производителей научного знания и 2) в качестве пионеров в освоении правил игры для рыночных форм взаимодействия в производстве научного знания.

Для представленного далее анализа из общего массива данных (29 интервью) были отобраны все интервью, в которых говорилось о сотрудничестве

с Роснано, выполняющей задачу «опережающего инновационного развития России» и «коммерциализации перспективных разработок» [3].

Проведенный дискурс-анализ интервью нацелен на реконструкцию опыта, который ориентированные на коммерциализацию и оснащенные уникальным научным оборудованием академические подразделения получают через сотрудничество с локомотивом рыночной российской модернизации — Роснано. В тексте приводятся все выявленные смыслы, встретившиеся в двух и более интервью с представителями разных научных организаций. Тема сотрудничества с Роснано предлагалась к обсуждению в конце интервью и вводилась следующим образом:

«Последний, но важный вопрос: есть ли у Вас интерес к сотрудничеству с ГК Роснано? Чем может привлекать или, наоборот, пугать сотрудничество с ГК Роснано?»

Предусмотренные гидом вопросы нацеливали информантов на репрезентацию как позитивных, так и негативных аспектов образа. Для интервью оказалось типичным следующее обстоятельство: вначале эксперты конструируют позитивный образ Роснано, который по мере уточнения деталей трансформируется либо в нейтральный, либо в негативный.

В числе позитивных характеристик устойчиво выделяются мощь и компетентность. Под мощью прежде всего понимаются финансовые и властные возможности:

...там большие деньги, там большие возможности... (09⁵)

...крупные финансы, которыми она обладает... (08)

...учитывая их финансовые возможности... учитывая огромные возможности... (05)

Наличие финансовых и властных возможностей связывают с отношением к науке, которое разделяют некие влиятельные люди:

Хорошо, что есть люди, обладающие властью и понимающие, что надо этим [наукой] заниматься, и тогда из этого что-то получится (11).

Финансовые и властные возможности подкрепляются известностью компании и признанием величия ее миссии:

Знаем, что есть такая организация, Роснано, которая возглавила научно-технический прогресс (11).

Роснано пытается использовать достижения фундаментальной науки в прикладном [аспекте]. Это очень почетная роль... (12)

За Роснано признается сформированный имидж игрока в сфере внедрения технологических инноваций, чье внимание принято ценить:

Тот факт, что обратилась серьезная внедренческая организация и подтвердила наш уровень, нам приятен (07).

⁵Цифры в скобках указывают на номер интервью, присвоенный в архиве проекта.

Компетентность — вторая типичная характеристика Роснано:

Чубайс... у него хорошая команда... они очень хорошо считают деньги и готовы вам помочь просчитать, составить заявку на программу, которую они могли бы профинансировать (04).

Высокая квалификация сотрудников оценивается в терминах грантовой системы организации науки, в которой важно уметь составить реалистичную заявку на исследование и сделать ее финансовое обоснование. Употребление слова «команда» показывает, что Роснано воспринимается как сплоченное единство.

Далее рассмотрим мнения экспертов о Роснано, сложившиеся до предметных контактов, а затем обратимся к высказываниям экспертов, имевших опыт взаимодействия с Роснано.

Доопытные представления: *«вряд ли сотрудничество возможно»*. В интервью экспертов первой группы отчетливо просматриваются сомнения в возможности продуктивной совместной деятельности. Нами реконструированы два аргумента: (1) Роснано ориентирована на иные, ненаучные ценности и (2) в своей деятельности ориентирована на собственные интересы.

Иные ценности. Например, признавая поначалу важность миссии корпорации, информант довольно быстро ставит барьер: миссия Роснано важна, но к ученым, занимающимся фундаментальной наукой, она не имеет никакого отношения:

Роснано пытается использовать достижения фундаментальной науки в прикладном [аспекте]. Это очень почетная роль, но мы к ней не относимся (12).

Отсутствие идентификации части научного сообщества с Роснано обосновывается ориентированностью на разные ценности: ученые декларируют ориентированность на фундаментальные исследования и атрибутируют Роснано ориентированность на экономический результат:

Роснано мы не нужны. У Роснано цели другие. Им базово нужна стабильная производственная прибыль, да? Получить ее от любого вуза, института или чего-то другого невозможно. Поэтому Роснано мы, как структура, в принципе не интересуем. (18)

Мы занимаемся фундаментальными исследованиями, а известно, что Роснано фундаментальные исследования не финансирует принципиально, она финансирует только исследования, которые могут дать экономическую выгоду. Поэтому, конечно, нам было бы интересно с ней взаимодействовать, потому что там большие деньги, там большие возможности, но серьезных перспектив я, честно сказать, пока не вижу. Роснано финансирует другие работы (09).

В приведенных цитатах намечены два противопоставления: «рентабельная экономика — затратная наука» и «прикладное — фундаментальное». В русле

этих противопоставлений Роснано предстает чисто экономическим предприятием, ориентированным на экономический эффект, на создание новых сегментов российской экономики, а не на научные результаты:

Это структура, которая создана для формирования сегмента экономики страны. Это же не фундаментальные исследования, не разработки (02).

За разговором о разнице ценностей угадывается представление о двух суверенных мирах, каждый из которых живет по своим законам и не обязан координировать свою деятельность с другими мирами. Такой дискурс выглядит объективным, поскольку в нем ответственность за отсутствие координации не эксплицирована.

Замкнутость на себя. В дискурсе, в котором подразумевается императив координации, обязательно возникает фигура ответственного за беспорядок. В собранных интервью типичны случаи, когда первоначальный разговор о мощности госкорпорации уравнивается едкими подозрениями в низкой эффективности ее деловой активности:

Слава Богу, государство поняло, что надо заняться приборами. Знаем, что есть такая организация, Роснано, которая возглавила научно-технический прогресс. Надо понимать: то, что при Советской власти называлось научно-техническим прогрессом, теперь называется Роснано, и тогда из этого что-то получится. К сожалению, я не вижу хороших примеров деятельности Роснано кроме содержания достаточно большой армии. Наверное, там много людей, они не реализовали ни одного хорошего проекта, насколько я понимаю (11).

Высокопарное отождествление Роснано с НТП сменяется указанием на отсутствие результата от деятельности «большой армии» сотрудников. Сходная композиция смыслов содержится и в следующей цитате:

Вызывает некоторое подозрение сама эта громоздкая структура. Непонятно, под какие задачи она создавалась. Отталкивает то, что у нас идет слишком много возни вокруг. <...> Это какая-то очень странная организация, которая работает в основном на себя (19).

Идея мощи низводится до «громоздкости», идея активности — до «большой возни», которая выливается в безрезультатное освоение ресурсов. В подобных высказываниях можно видеть проекцию на Роснано претензий, предъявляемых самой «недосоциализированной науке», для которой характерно отсутствие «эффективно действующего социально-экономического механизма использования достижений научно-технической революции» [1, с. 13].

Закрытость Роснано выражается не только в намеках на успешное освоение громадных ресурсов в своих интересах, но и в нежелании Роснано идти на контакт с научным сообществом (делиться?) при том, что представители научного сообщества готовы к сотрудничеству декларируют:

Желание [сотрудничать], конечно, такое у нас есть. Есть ли у Роснано такая встречное желание сотрудничать с нами? Сейчас с ним нет абсолютно никаких отношений. Но в принципе было бы неплохо (19).

В данном случае декларации ученых о готовности сотрудничать едва ли стоит воспринимать буквально без дополнительной эмпирической проверки, поскольку их появление может объясняться не только объективной готовностью, но и структурой самого дискурса, в котором подразумевается императив координации между мирами науки и бизнеса. Тезис об эгоистичности партнера по возможному (но не состоявшемуся) взаимодействию дополняется знакомым уже тезисом о различии в ценностях: вузы и академические институты не дают быструю прибыль, на получение которой ориентирована Роснано.

Исключения составляют случаи, когда мысль о незаинтересованности Роснано в контакте с научными подразделениями, выражается в режиме самокритики:

У меня, положи руку на сердце, разработок под те пунктики, которые там [в конкурсах Роснано] записаны, напрямую нет (03).

Более типична ситуация, когда в тезисе «нам как ученым нечего предложить Роснано» акцент смещается с агента на адресата. В таких случаях говорится, что Роснано предлагает слишком узкий коридор для сотрудничества:

Я знаю, что наш центр оказался в реестре петербургской организации Роснано. Я понимаю очень хорошо, что некоторые методы, которые мы используем, и услуги, которые мы предоставляем... эти механизмы взаимодействий происходят на уровне наноструктур, конечно. С этой точки зрения мы имеем какое-то отношение к нано, не к технологиям, но к какой-то нано-области. Но специальной какой-то тематики я сейчас предложить не могу, чтобы взаимодействовать с Роснано. Если у них будут какие-то предложения разумные, если они будут понимать и знать наши возможности, то мы открыты. И это будет замечательно (14).

Речь идет о том, что попадание научного коллектива в профильный реестр не гарантирует того, что госкорпорация знает и понимает возможности для сотрудничества, чтобы сформулировать этому коллективу «разумные предложения». По сути, здесь высказаны ожидания, что Роснано будет активнее интересоваться деятельностью активно работающих профильных научных коллективов. Эти ожидания представляются оправданными, по крайней мере, настолько, насколько оправданно видеть причины низкой эффективности российской науки в отсутствии инженерного звена, способного трансформировать научные результаты в приносящие прибыль технологии. У российской науки это звено исторически хромало и созданное ради модернизации Роснано этот разрыв не спешит заполнять. Сходную мысль находим у эксперта, который утверждает, что у них есть только результаты фундаментальных

исследований, которые в принципе могут найти промышленное применение, только нужно придумать, как их применить и для каких инженерных задач:

К сожалению, у нас сейчас есть фундаментальные исследования, а внедрять нечего. Есть результаты фундаментальных исследований, которые могли бы представлять интерес для будущего производства. А вот части, которая отвечала бы за то, чтобы достигнутые результаты трансформировать в некие технологии, которые позволяли бы получить конечную продукцию, которую можно было бы продать на рынке и сделать рентабельное производство, этот блок у нас совершенно не развит (02).

Таким образом, речь идет не просто о трудностях внедрения результатов, получаемых фундаментальной наукой. Дело обстоит еще хуже: речь идет об отсутствии функционального звена, которое до всякого внедрения на основе результатов фундаментальной науки вырабатывает инженерную идею продукта. То есть речь идет не о трудностях внедрения, а об отсутствии инженерных идей для внедрения. С одной стороны, можно согласиться с тем, что не всякий фундаментальный результат можно обратить в инженерную идею. С другой же стороны, ни один из опрошенных экспертов не отметил ориентированность Роснано на устранение этого разрыва.

Институциональная закрытость Роснано осмысливается еще и через неопределенность и подозрительность тематических интересов:

Там совершенно не понятно направление исследований, которые вдруг стали нанотехнологиями. Раньше они назывались по-другому. Они были всегда. Мы занимаемся нанотехнологиями в электронике, она как была наноэлектроника, так и осталась. Почему-то про наноэлектронику вспоминают в самую последнюю очередь, а занимаются пересыпанием каких-то порошков микродисперсных, добавляют это в асфальт, бетон, куда угодно (19).

Подведем итоги анализа интервью с представителями профессионального научного сообщества, работающими в наносфере, но не имеющими опыта сотрудничества с Роснано. Получается, что инновационная госкорпорация представляется мощной (по финансовым и административным ресурсам), имеющей компетентные кадры, заточенные под грантовую систему науки, и в то же время не скоординированной под задачу инновационного развития через науку в следующих аспектах:

- разрывы в ценностях: наука ориентирована на знание, госкорпорация — на прибыль;
- разрывы во времени: фундаментальная наука не может обеспечить быстрый результат, на который ориентирована госкорпорация;
- разрывы в компетентности: наука не разбирается в экономике и технологиях; госкорпорация не разбирается в науке и технологиях; традиционное для отечественной науки отсутствие инженерного звена, связующего научное

знание с приносящими прибыль промышленными технологиями госкорпорацией не восполняется; что, в частности, проявляется в странности (с точки зрения ученых) тематических предпочтений корпорации;

— разрывы в целях финансирования: госкорпорация финансирует статьи расходов, которые не интересны исследовательским организациям;

— разрывы в признании эффективности: исповедуемая госкорпорацией экономическая эффективность не переводится на язык научной эффективности: ученые не видят позитивных научных результатов; госкорпорация не видит возможности коммерциализировать (в силу разрыва в компетенциях) результаты научных разработок и считает их неэффективными.

Обнаруживаемые учеными разрывы и дефициты служат основой для складывания образа закрытой (эгоистичной) госкорпорации, которая использует ресурсы (свою мощь) исключительно в собственных интересах вопреки озвученным целям.

Представления от опыта сотрудничества: «*все еще впереди*». Сомнения в эффективности и подозрительное отношение к научной обоснованности деятельности Роснано должны развеивать эксперты, заявляющие о реальном сотрудничестве с госкорпорацией. Факт сотрудничества описывается с большим подъемом, с указаниями на его исключительную важность для обеих сотрудничающих сторон, в чем можно убедиться из приведенных двух пространственных фрагментов:

Официальных бумаг они так, кстати, и не прислали, по e-mail прислали. Они нас включили в число центров, аккредитованных при «Роснано технологиях». <...> Они сюда приезжали, мы общались, нашли взаимный интерес и решили попробовать поработать в этой сфере. Пока реально ничего не начали, кроме бумажной деятельности, кстати, связанной с метрологическими обсуждениями. Это серьезный вопрос, который нам еще предстоит решать. Они, понятное дело, поставили этот вопрос во главу угла. Оборудование предполагается использовать для аттестации продукции, оно само должно быть аттестовано, сертифицировано, и методики, по которым эти измерения производятся. <...> Поэтому, по каким направлениям мы будем работать конкретно с «Роснано технологиями», еще не знаю, хотя они сказали, что они поддерживают все инновационные проекты, не только те, которые напрямую связаны с нанотехнологиями, в том числе создание лекарственных препаратов и т. д. А этим мы и так всегда занимались, занимаемся и, будем надеяться, и дальше... <...> Наш институт в целом включился в эту программу, ну, не так, может быть, широко, но что-то пытается в этой области создать, следовательно, и наш центр будет работать тоже (04).

На протяжении всего непрерываемого интервьюером пространного монолога (приведенного для краткости с купюрами) эксперт сделал четыре попыт-

ки (если считать по знакам «<...>», обозначающим отвлечения от темы) охарактеризовать совместную с Роснано деятельность, которая, судя по интервью, свелась к общению (личному и по переписке) по планированию будущей деятельности.

Фрагмент из другого интервью также содержит несколько попыток рассказать о насыщенном взаимодействии ученых с Роснано:

Заказы Роснано, сейчас мы экспертизу для них проводим. Мы признаны компетентными в системе наносертифика «Роснано». <...> [Правда] у нас сертификации официальной нет, ни у кого нет, просто у таких центров нет пока сертификации. Но это как бы предварительная сертификация. Мы работаем с сертификацией очень активно, очень-очень всерьез, очень много сил этому уделяем, но еще много этапов, особенно учитывая сферу нанотехнологий, — это очень сложно, и в стране практически ничего нет. Но мы являемся одним из лидеров в этом направлении, и Роснано нам заказывает экспертизу, что достаточно почетно для нас, поскольку мы от Москвы достаточно далеко. <...> «Роснано-технологии», во-первых, у нас много раз были, и вообще мы с ними работаем. Я уже говорил, наносертифика — это очень здорово, очень интересно, взаимно интересно. Мы с взаимным интересом к этому относимся. Наносертифика — это очень серьезная программа, результатом которой будет выход ряда центров на сертифицированные центры, и, надо сказать, что вообще центр должен оказывать сертифицированные услуги, в том смысле, что он должен гарантировать качество, чего сейчас пока нет в стране. <...> А поддерживать вопрос, связанный с сертификацией и прочим, это сейчас решается. И вторая вещь, по которой мы регулярно взаимодействуем с Роснано, они организуют блестящие совершенно школы, учитывая их финансовые возможности. Они собирают великолепных лекторов со всей страны, они их проводят великолепно. И мы по своей возможности стараемся во всех них участвовать. <...> Во-первых, мне очень нравятся заказы, которые от них поступают, во-вторых, мне очень нравится система обучения, и у нас в каком-то смысле возникли личные отношения, мы участвуем в выставках Роснано (05).

Как и в предыдущем фрагменте, речь идет о системе сертификации, которая не получила институционального оформления и о многочисленных контактах. Добавились подробности о заказах в рамках системы сертификации (которая сама осталась неотсертифицированной!), об организуемых крупных мероприятиях (в рамках системы краткосрочного обучения и выставок) и о складывающихся личных отношениях.

В другом случае разговор о крупных мероприятиях содержит указание на косвенное сотрудничество с Роснано академического подразделения и на личное участие в экспертизе в рамках системы сертификации:

Мы сотрудничаем с Роснано косвенно, через проекты, которые выполняют-ся в рамках комплексного проекта развития nanoиндустрии в [регионе]. <...> [Плюсы в том, что идет] все-таки поддержка крупных мероприятий в сфере нанотехнологий, по крайней мере, организация работает. То есть, с чем мы сталкиваемся косвенно как эксперты. Например, я эксперт в основном (08).

Из опыта сотрудничества выходит, что «организация работает», но все достижения еще впереди:

Роснано как организация пока еще окончательно себя не проявила. Несмотря на крупные финансы, которыми она обладает, осуществленных проектов по финансированию пока у нее нет (08).

Следующий эксперт, характеризуя плоды сотрудничества, назвал создание профильного подразделения и регулярное посещение конференций Роснано сотрудниками этого подразделения:

Так мы с ними и сотрудничаем. <...> [Организовали] наше подразделение по созданию новых наноматериалов, они постоянно на эти конференции ездят, работают с Роснано, естественно (16, 408-410).

Еще для одного эксперта сотрудничество также идет пока на стадии планирования. Здесь весьма общее, неконкретное указание на научный интерес сотрудничества с Роснано сочетается с сомнениями в достижимости экономического эффекта:

Роснанотех на нас тоже недавно вышел. Мы прошли сертификацию в системе, все наночастицы, наноматериалов. Они сказали, что в принципе наш уровень достаточный. Они некоторые методики наши утвердили. И те проекты, которые будут ими финансироваться, они сами будут расплачиваться. Но пока еще никто не обратился. Не знаю, посмотрим. Будет, не будет какой-то экономический эффект. Я Вам уже говорил, что мы уже сотрудничаем. Для нас плюсы — исследование новых объектов, материалов. Надо разрабатывать новые методики, надо свои возможности развивать и просто интересно, что за наноматериалы. <...> Я считаю, что у меня пока научный интерес. Не знаю, коммерческий получится или не получится (07).

В оценке общей ситуации вокруг корпорации эксперт солидаризируется с теми, кто считает ее сомнительной, подозрительной, в связи с чем отводит себе возможную роль эксперта:

Порой, может быть, и такой момент, что брать на себя некоторые экспертные функции мы должны. Потому что под видом нанотехнологий и наноматериалов порой проталкивают, мягко говоря, совсем не то. <...> Мне порою кажется, что Роснано на себя такую обузу взгромоздил. Сумеют ли они чего-нибудь добиться реального, не знаю. В отношении тех целей, которые имеет эта организация, — подъема нанотехнологий в России на какой-то там определенный уровень, получения коммерческой прибыли

и прочее. Пока, честно говоря, во многих проектах, которые в Роснано подаются, мы видим только одно, что люди пытаются из Роснано деньги на свои исследования, самые обыкновенные исследования, вырвать... [Минусы сотрудничества с Роснано] пока не вижу, потому что реального сотрудничества пока еще толком нет. Пока что, как говорится, намерение (07).

В данном случае эксперт указывает на риски, исходящие от недобросовестности представителей научного сообщества, разрабатывающих новые наноматериалы, и от некомпетентности команды Роснано в научных вопросах. Эти риски и должны компенсироваться создаваемой Роснано системой сертификации, которая сама пока еще не сертифицирована. Между тем сертификация сопряжена со значительными затратами. Их, по идее, должны возмещать заказы разработчиков новых наноматериалов, которым не хватает средств даже на собственно исследования. Отсюда и сомнения эксперта в достижимости экономического эффекта.

В наиболее радикальной интерпретации причина невозможности сотрудничать видится в том, что исповедуемый Роснано «экономический» подход не учитывает специфику экономики производства нового знания, а ориентирован на экономику внедрения уже полученного знания:

Условия, которые Роснано выставляет, для нас непосильны. Например, чтобы выиграть некий проект, по завершении проекта надо вернуть деньги, которые Роснано вложила в эту разработку. Допустим, дали на два года 10 миллионов рублей. Ты работу закончил, ты должен выпустить продукцию и эти 10 миллионов возвратить. Но когда составляешь бизнес-план, то теряешься в догадках, где же взять 10 миллионов, ты только начинаешь выпускать продукцию, только оправдывать затраты на материалы, комплектующие, зарплату. Для этого надо сразу прибыль сделать такую, чтобы отдать 10 миллионов за два года. По пять миллионов в год. Это нереально. Поэтому с Роснано может работать и взаимодействовать только та структура, у которой уже все раскручено и которая уже выпускает эту нанопродукцию (13).

Другое обоснование заключается в том, что Роснано обозначает готовность финансировать такие статьи расходов, которые академическим учреждениям не интересны для ведения исследовательской работы:

В действительности Роснано значительно хуже фондов, потому что фонды отдают деньги на конкурсной основе, но бескорыстно, просто отдают деньги. Роснано дает деньги на бизнес — основная функция Роснано. Денег даже на НИРовские работы не дает, очень малую часть, пристегнутую к каким-то большим бюджетным работам. Поэтому для вузов Роснано в значительной степени является организацией малоэффективной (05).

Таким образом, защитный тезис о различии в ценностях может перерасти в наступательный тезис о неадекватности стратегии Роснано в поле экономики в силу неразличения разных экономик — экономики инноваций и экономики стандартного производства, что и дает основания для пессимистического прогноза:

До сих пор с Роснано у нас нет ни одного контракта на выполнение работ. И я думаю, что никогда и не будет (13).

«Никогда не будет», потому что предлагаемые финансовые условия научное подразделение выполнить не может, не превратившись в производственную единицу.

По итогам анализа экспертных интервью можно сделать следующие выводы. С момента своего образования Роснано удалось:

1) создать в экспертном сообществе определенный имидж компании, имеющей:

- мощные административные и финансовые ресурсы;
- важную миссию по созданию новых сегментов инновационной экономики в России, ориентированных на быстрый экономический эффект;

2) выстроить важные элементы инфраструктуры, необходимой для развития инновационной экономики: создать привлекательную информационно-образовательную среду для формируемого нанообщества (школы, семинары, выставки), заложить основы институтов отраслевой экспертизы и системы признания (потенциальных) лидеров отрасли.

Среди важнейших стимулов к участию ученых в нанообществе эксперты отмечали:

- участие в экспертизе бизнес-проектов, представляемых в Роснано;
- перспективу сертификации лабораторий, приборов и методов для экспертизы продуктов от будущих бизнес-проектов.

Оба эти стимула могут интересовать прежде всего те сегменты научного сообщества, которые (1) заинтересованы в прикладных разработках, имеющих массовое коммерческое применение, и (2) которым не чужда идея экспертной ренты (за право ставить подпись и печать под экспертным заключением). Оба эти стимула малоинтересны для тех, кто ориентирован на открытие чего-то принципиально нового, а не на измерение того, чьи основные параметры заведомо известны.

Роснано не удалось:

1) реализовать крупные успешные проекты, задать нанообществу образцы проектируемых видов деятельности;

2) найти общий язык с тем сегментом научного сообщества, который ориентирован на фундаментальные исследования; хотя бы наметить контуры привлекательной, более или менее определенной исследовательской программы;

3) сформировать респектабельный имидж своей деятельности в академическом истеблишменте и традиционном научном сообществе;

4) продвинуться в формировании институциональной среды, предназначенной для перевода (диалога) фундаментальных знаний на язык инженерных концептов.

Иными словами, Роснано удалось привлечь (найти общий язык) сообщества, умеющие производить информационные события, экономические расчеты, проводить (пока несертифицированную) экспертизу проектов, т. е. создать важные инфраструктурные элементы инновационной экономики. Сама Роснано являет квалифицированную менеджерскую и предпринимательскую надстройку (суперструктуру). Незаметно, чтобы Роснано удалось привлечь сообщества, способные создавать базис (структуру) инновационной экономики — творческий потенциал фундаментальной науки (открытия) и инженерной мысли (изобретения).

Оказывается, что выводы, сделанные на основе не совсем свежих экспертных интервью, по сути, предвосхищают признание неудач проектов Роснано, которое глава госкорпорации сделал 22 июня 2012 г. в Санкт-Петербурге [2].

Исследование отношений в обществе к общеизвестному символическому объекту на примере объекта «модернизация России» методом «народной экспертизы» в исполнении Фонда «Общественное мнение» позволило выявить общий скепсис активных пользователей Рунета, а также наиболее типичные основания (аргументы) для скепсиса.

Едва ли в сочетании «народная экспертиза» отражается идея экспертности в чистом виде; активных пользователей Рунета вряд ли можно величать экспертами. От экспертов в узком смысле их отличает неспециализированность и, если угодно, досужность.

Политические эксперты дают макроперспективу на предмет исследования как в объективистском, так и в субъективистском понимании «макро». В первом смысле эксперты отражают собственный целостный взгляд на общество и происходящие в нем модернизационные процессы; во втором смысле эксперты отражают макроперспективу политических акторов и агентств, для которых практические отраслевые аспекты модернизации представляются слишком специфичными, чтобы в них стоило вникать.

Интервью с экспертами в узком смысле дают эмпирические каузальные объяснения общему отношению к «модернизации России» в рамках конкретной предметной области, в данном случае в специфических инновационных академических подразделениях.

Логически в представленном исследовании выделяются три самостоятельных проекта, каждый из которых имеет свой теоретический и эмпирический объекты и метод исследования, однако их объединяет предмет исследования, что позволяет отнести всё предприятие к получившему распространение в последние десятилетия типу мультиметодного исследования, нацеленного «на решение некоторой общей исследовательской проблемы» [5, p. 196]. Другое преимущество от сочетания разных методов сбора данных на разных выборках — триангуляция [6], позволяющая обоснованно говорить о том, что в трех различных перспективах не видится никаких серьезных подвижек в сторону модернизации России. Эта триангуляция достижима в таком мультиметодном исследовании, где используется одна методная парадигма — в данном случае качественная — и единое мировидение (*worldview*, *Weltanschauung*), в отличие от микст-дизайна, допускающего совмещение в одном проекте количественных и качественных методов, а также разных картин мира [4, p. 10-12; 7, p. 11].

Библиографический список

1. Келле В.Ж., Мирская Е.З. и др. Социальная динамика современной науки. М.: Наука, 1995.
2. ИТАР — ТАСС. Чубайс назвал 4 причины неудач проектов РОСНАНО. URL: <http://www.itar-tass.com/c378/453989.html>
3. Роснано. О компании: Миссия и цели. URL:<http://www.rusnano.com/Section.aspx/Show/14583>
4. Creswell J. W., Plano Clark V.L. Designing And Conducting Mixed Methods Research. Thousand Oaks, CA: Sage, 2007.
5. Morse J. Principles in Mixed Methods and Multi-Method Research // Tashakkori A., Teddlie C. (eds.) Handbook of Mixed Methods in Social & Behavioural Research. Thousand Oaks, CA: Sage, 2003. P. 189-208.
6. Tashakkori A., Teddlie C. Mixed Methodology: Combining Qualitative and Quantitative Approaches. Thousand Oaks, CA: Sage, 1998.
7. Tashakkori A., Teddlie C. (eds.) Handbook of Mixed Methods in Social & Behavioural Research. Thousand Oaks, CA: Sage, 2003.